

А.Б. Галкин

Ноздрев

НОЗДРЕВ — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Литературные источники образа Ноздрева — образы лгунов и хвастунов в драматургии Я. Княжнина, А. Сумарокова, И. Хемницера, И. Крылова, а также Загорецкий из комедии А. Грибоедова «Горе от ума», Глаздури из романа Ф. Булгарина «Иван Выжигин». В образе Ноздрева развиты черты гоголевских персонажей Ихарева и особенно Хлестакова.

Образ Ноздрева представляет тип «разбитного малого», кутилы «неугомонной юркости и бойкости характера», «исторического человека», ибо Ноздрев всякий раз попадает в историю: либо его выводят из зала жандармы, либо выталкивают свои же приятели, либо он напивается в буфете, либо врет, будто держал лошадь голубой или розовой масти. Ноздрев также охоч до женского пола, по его выражению, не прочь «попользоваться насчет клубнички» (он завсегда провициальных театров и поклонник актрис, его детей воспитывает «смазливая нянька»). Главная страсть Ноздрева — «нагадить ближнему»: Ноздрев распускал небылицы, расстраивал свадьбу, торговую сделку, но по-прежнему почитал себя приятелем того, кому нагадил. Страсть Ноздрева общечеловеческая, не зависит ни от чина, ни от веса в обществе. По Гоголю, подобно Ноздреву, гадит человек «с благородной наружностью, со звездой на груди» («И нагадит так, как простой коллежский регистратор»). Фамилия Ноздрев — метонимия носа (происходит абсурдное двойное отделение: ноздрей от носа, носа — от тела). Ряд пословиц и поговорок соотносится с образом и характером Ноздрева: «совать нос не в свое дело», «любопытной Варваре нос оторвали», «остаться с носом», «держат нос по ветру» (ср. у Гоголя: «Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами...»). Портрет Ноздрева также построен на метонимии лица (бакенбарды) и согласуется с его метонимической фамилией: «возвращался домой он иногда с одной только бакенбардой, и то довольно жидкой. Но здоровые и полные щеки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежних».

Вещи вокруг Ноздрева тождественны его хвастливой и азартной натуре. С одной стороны, они иллюстрируют хаотичность, беспорядочность Ноздрева, с другой — его гигантские претензии и страсть к преувеличениям. В доме Ноздрева все заляпано краской: мужики белят стены. Ноздрев показывает Чичикову и Мижухину конюшню, где стойла в основном пусты; пруд, где раньше, по словам Ноздрева, «водилась рыба такой величины, что два человека с трудом вытаскивали штуку»; псарню с густопсовыми и чистопсовыми, «наводившими изумление крепостью черных мясов»; поле, где Ноздрев ловил зайца-русака за задние ноги. Кабинет Ноздрева отражает его воинственный дух: вместо книг по стенам висят сабли, ружья, турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: «Мастер Савелий Сибиряков» (алогизм Гоголя подчеркивает абсурдность вранья Ноздрева). Шарманка Ноздрева играет воинственную песню «Мальбруг в поход поехал». Метонимический принцип в образе Ноздрева последовательно проводится Гоголем: дудка в шарманке Ноздрева совершенно точно повторяет сущность хозяина, его бессмысленно-задорный нрав: «Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка очень бойкая, никак не хотевшая угомониться, и долго еще потом свистела она одна». Даже блохи в доме Ноздрева, всю ночь кусавшие Чичикова, как и Ноздрев, «пребойкие насекомые». Энергичный, деятельный дух Ноздрева, в противоположность праздности Манилова, тем не менее лишен внутреннего содержания, абсурден и в конечном счете так же мертв. Ноздрев меняет все, что угодно: ружья, собак, лошадей, шарманку — не ради выгоды, а ради самого процесса. Четыре дня, не выходя из дому, Ноздрев подбирает крапленую

колоду, «на которую можно было бы понадеяться, как на верного друга». Ноздрев — шулер, он подпаивает Чичикова мадерой и рябиновкой с запахом сивухи, чтобы обыграть в карты. Играя с Чичиковым в шашки, Ноздрев ухитряется обшлагом рукава халата продвинуть шашки в дамки.

Если Манилов заботится о «деликатных» деталях, Собакевич — о целом, то Ноздрев пренебрегает тем и другим. Еда у Ноздрева выражает его бесшабашный дух: «кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что повар руководствовался более каким-то вдохновеньем и клал первое, что попадалось под руку: <...> перец, ... капусту, пичкал молоко, ветчину, горох — словом, катать-валяй, было бы горячо, а вкус какой-нибудь, верно, выйдет».

Ноздрев импульсивен и гневлив. В пьяном виде Ноздрев сечет розгами помещика Максимова, собирается с помощью дюжих слуг побить Чичикова. Ноздрев способен одновременно хвалить и ругать, не стесняясь в выражениях: «Голову ставлю, что врешь!», «... ведь ты большой мошенник <...> Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве» (о Чичикове); «...это просто жидомор» (о Собакевиче). Ноздрев — инициатор скандала вокруг «мертвых душ», он первым выдал тайну Чичикова на бале у губернатора, после чего «посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих». Ноздрев в разговоре с чиновниками подтвердил, будто Чичиков — шпион, еще в школе был фискалом, что он печатает фальшивые ассигнации и что к его дому на ночь поставили караул, но Чичиков за одну ночь все ассигнации переменял на настоящие, что он, Ноздрев, помогал Чичикову похитить губернаторскую дочку и пр.

В инсценировке поэмы роль Ноздрева исполняли И. Москвин, Б. Ливанов.

В опере Р. Щедрина «Мертвые души» партия Ноздрева была предназначена для тенора (первый исполнитель — В. Пьявко, 1977).